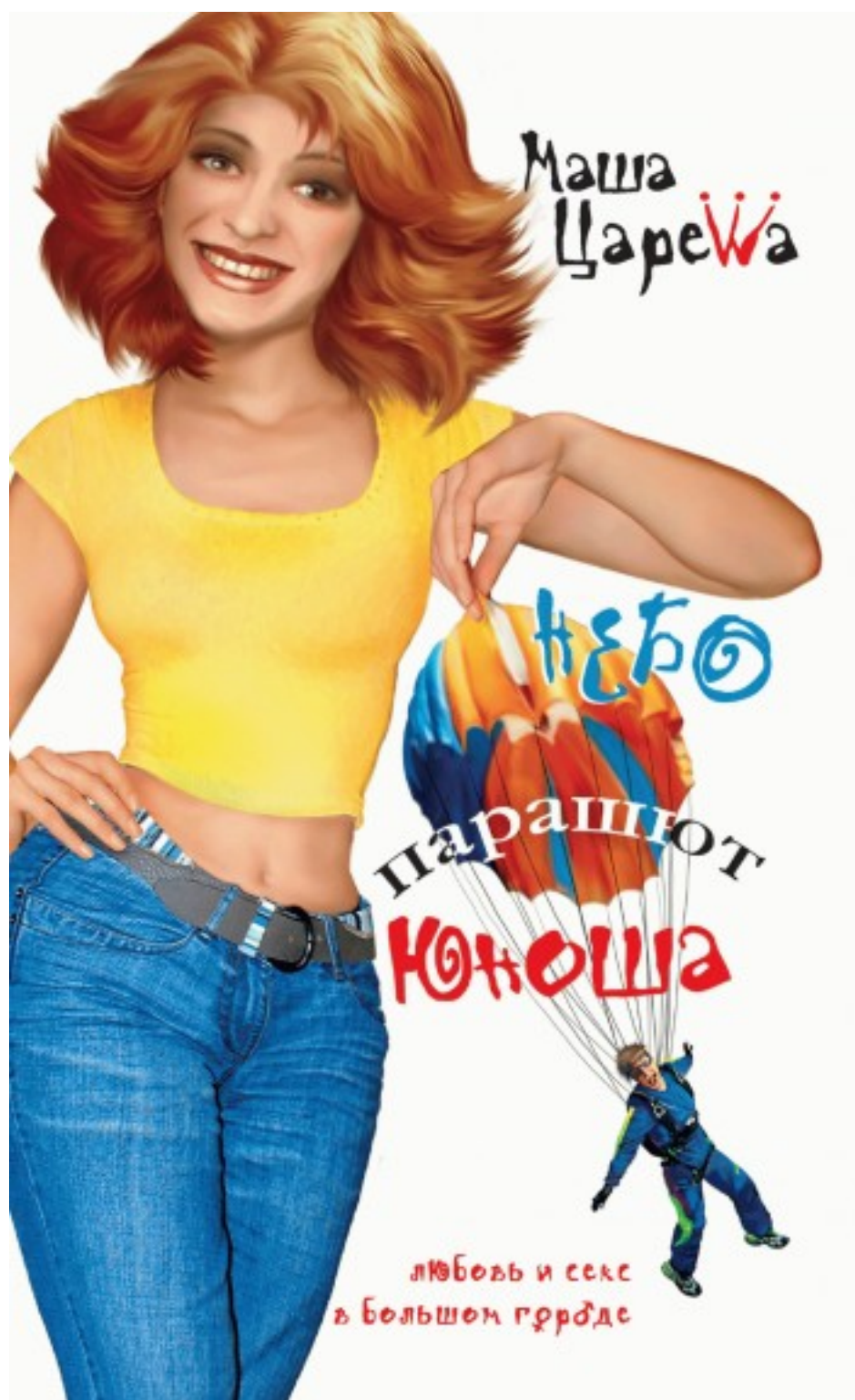

Маша
Царевна

НЕБО
Парашют
НОЖОШКА

любовь и секс
в большом городе

Маша Царева
Небо. Парашют. Юноша
Серия «Саша Кашеварова», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302622
Небо. Парашют. Юноша : РИПОЛ классик; Москва; 2007
ISBN 978-5-386-00068-4*

Аннотация

Саша Кашеварова решает заняться экстремальными видами спорта, вернее, экстремальными спортсменами. Но покорить сердце любимого мужчины можно, если ты согласишься покорить с ним Ниагарский водопад или на худой конец Останкинскую телебашню. Саша Кашеварова согласна прыгать без запасного парашюта с любых высотных зданий, только бы не упустить свое счастье.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Маша Царева

Небо. Парашют. Юноша

ГЛАВА 1

Неприятности мои начались тринадцатого числа, в понедельник.

Проснувшись под вой будильника (мои настольные часы по утрам изрыгают переливчатые трели пожарной сирены, только эти адовы звуки способны привести меня в вертикальное положение, под нежное монотонное «ту-ту-ту» я засыпаю еще крепче), – так вот, подскочив на кровати, я изо всех сил ударилась лбом о второй ярус оной. И только тогда, потирая ушибленную голову и плаксиво матерясь, вспомнила, что накануне мама перевезла ко мне в квартиру мою же старую детскую двухъярусную кроватку. Видите ли, родительская однокомнатная территория слишком тесна для хранения такого раритета. А выбрасывать жалко.

Весь вчерашний вечер я смотрела на кровать эту, крошечный клочок беззаботного детства, и молча грустила. Знаю, что мои родители мечтали о втором ребенке, поэтому и ложе приобрели двухэтажное. Но что-то у них не сложилось, и верхний ярус навсегда остался пустым.

И вот вчерашним вечером, пойдя на поводу у щемящей ностальгии, я, двадцатидевятилетняя женщина, взгромоздилась на детскую кровать, прихватив с собой пушистый плед и коробочку шоколадных конфет с ликером. Да и, конечно, философские размышления о том, что детство давно прошло, а кроватка осталась, не могли обойтись без бутылочки «мерло».

Я думала, что сон мой будет по-детски беззаботным и крепким. Что приснится мне не перекошенная физиономия начальника, скандирующего: «У-во-лю!», не укоризненный взгляд подруги, которой я вот уже два месяца деньги должна... А, например, веснушчатый Витька Потапов из седьмого класса «А», который на переменах бьет меня по спине учебником географии, а вечерами названивает домой и подолгу сопит в трубку.

В итоге же моя чертова сентиментальность обернулась микротравмой головы.

Спустив босые ноги с кровати, я попала пяткой аккуратно в блюдечко с окурками.

Когда выяснилось, что горячей воды нет, а электрический чайник отчего-то закапризничал и сломался, я даже не удивилась. Не везет так не везет. И бесполезно сопротивляться такому непредсказуемому явлению, как неудачный день.

Спрятав грязные волосы под бандану и кое-как ликвидировав следы вчерашнего полуночного распития вина – синяки под глазами, легкую припухлость век – я уже собиралась отчаливать на работу. Когда вдруг ожил телефон.

Пришлось протопать в уличных туфлях по паркету в несмелой надежде: а вдруг это звонит тот широкоплечий блондин, которому я впарила свою визитную карточку на какой-то вечеринке в прошлую пятницу?

Но нет – это была всего лишь мама.

– Сашенька! Как твои дела? – накинулась на меня бодрая, свежая, полная новых утренних сил родительница. – Как кровать?

– В прямом смысле головокружительно. – Я хмуро потрогала болезненно пульсирующую шишку на лбу.

– И все?

– А что еще? – удивилась я. – Между прочим, я сегодня даже на ней спала. Снова почувствовала себя ребенком.

Я думала, что родительница искренне обрадуется тому, что нелепый мебельный предмет, навязанный ею, был использован по прямому назначению. Но характерное раздраженное причмокивание говорило об обратном.

– Вообще-то я надеялась, что, взглянув на эту кровать, ты наконец почувствуешь себя взрослой, – печально вздохнула мама.

– Ма, не понимаю тебя... – Тут мой взгляд случайно упал на электронные часы, и я подскочила, как на электрическом стуле: – Все, мам, на работу опаздываю. Давай я тебе вечером перезвоню. Надо бежать!

– Вот так и пробегаешь всю жизнь, – трагическим полупшепотом предсказала мама.

– Да что на тебя нашло с утра пораньше?! – Я нервно поправила сумку на плече. Так, рабочий день начался десять минут назад. Будем надеяться, что главному редактору газеты, в которой я тружусь спецкором, не придет в голову пересчитывать количество редакционных ранних пташек. Иначе мне крышка. Премии в конце месяца не видать. А я и так в долгах по уши.

– Я думала, что детская кроватка натолкнет тебя на мысль о ребенке, – теперь уже умоляющим тоном изрекла мама, – твоим ребенке, Сашенька.

От неожиданности я даже поперхнулась. Может быть, мама с утра пораньше тоже шмякнулась лбом о какую-нибудь не замеченную вовремя твердыню? Иначе с чего бы в ее голове появились такие революционные мысли?

Впрочем, я прекрасно знала, что родители недовольны моим ветреным образом жизни, моей работой, тем, как неразумно трачу я деньги. Мама никак не может понять, с какой стати в шкафу одиноко живущего человека угнездились двадцать семь коробок с босоножками и двенадцать купальников. Читать ей лекции о моде и стиле бесполезно, пробовала. Но обычно родительские претензии ограничивались несмелыми мечтами из серии: «Ну когда же ты научишься есть, не удеывая стол крошками?» А теперь мама ни с того ни с сего заговорила о каком-то ребенке!

Чудеса!

– Мам, чтобы думать о ребенке, надо как минимум обзавестись мужчиной для регулярного спаривания.

– Фу, как грубо.

– Зато правда, – хмыкнула я, – не могу же я размножаться методом клеточного деления. Хотя это было бы удобно. Наверное.

– Сашенька, как ты меня расстраиваешь, – прошелестела мама, – ведь через две недели тебе исполнится тридцать лет.

– Ну все, хватит с меня! – Я шмякнула трубку на рычаг и решительным шагом проследовала в прихожую. Телефон тут же зазвонил снова, но я и не подумала вернуться. Даже когда я, заперев дверь, спускалась вниз по лестнице, пытаюсь при этом найти золотую скоростную середину, – чтобы и на работу не очень опоздать, и каблуки вместе с ногами не переломать, – даже тогда я продолжала слышать этот требовательный и какой-то наглый звонок. Как будто бы самому телефонному аппарату вздумалось изрыгнуть обидное обвинение: а тебе, мол, скоро тридцать. Старая ты дура.

Ну да.

Мне скоро тридцать. И что? Послушать окружающих, так тридцатилетие – это коварная болезнь, еще хуже хронической диареи. Ее симптомы таковы: сначала ты вдруг обнаруживаешь, что любимые «студенческие» брюки перестали сходиться на талии. Потом у тебя начинается череда беспричинных депрессий, потом твой гинеколог, тактично хмыкнув, интересуется потенциальным потомством. («Я еще не созрела для материнства, ясно тебе, дурень?!» – кричишь ты ему, а он с печальным вздохом мудреца прописывает тебе успоко-

ительный травяной отвар.) Потом какая-нибудь малолетняя ехидна из офиса задушевым голосом советует испробовать маску от морщин на шее. Потом ты встречаешь в трамвае бывшего одноклассника, того самого, который писал тебе записочки с сопливыми признаниями и клялся в вечной любви. Он из вежливости интересуется, как твои дела, и услышав сдавленное «нормально», начинает многословный радостный рассказ о собственной счастливой жизни. О том, как он социально успешен, леший его побери. Он получил повышение и собирается купить «фордик», женился на участнице какого-то дебильного конкурса красоты, а его первенец позавчера наконец-то выдал слово «папа». Он доверительно распахнет перед тобой бумажник, чтобы продемонстрировать фотографию миловидной блондинки.

Вернувшись домой, ты выкуришь пять сигарет подряд, лаконично всплакнешь и подумаешь: а может быть, зря я его тогда отвергла? И почему я такая категоричная? Глядишь, сейчас бы он мою фотку кому-нибудь под нос тыкал. Пусячок, конечно, но, согласитесь, приятно.

Мою-то физиономию ни одна сука не прячет сентиментально в своем бумажничке. Вот что такое злополучное тридцатилетие, по мнению большинства.

А теперь попробуем взглянуть на ту же ситуацию с другой, независимой стороны.

Любимые студенческие брюки перестали сходиться на моей талии, когда я еще не успела защитить диплом. Склад характера у меня не депрессивный. Антивозрастная косметика мне объективно пока не нужна. Мой материнский инстинкт спит, как отработавший три смены подряд лесоруб. Да и связать себя матримониальными узами я, честно говоря, не тороплюсь. Живу я одна, встаю поздно, не утруждаю себя приготовлением сложных блюд, хожу на свидания, а все свободные деньги просаживаю на косметику, книжки, одежду и путешествия. Такой благодотно-эгоистичный быт меня вполне устраивает.

При всем том я не являюсь закоренелой холостячкой. Я готова измениться, если мне встретится мужчина, которого я полюблю настолько, чтобы разделить с ним кров, хлеб и стиральную машину. Время от времени такие уникалы мне попадаются (влюбчивая я!) – но в итоге каждый из них оказывается очередным звеном в цепи «обманок».

Но я никуда не тороплюсь. Ведь мне – ха-ха, всего тридцать. Между прочим, одна моя лондонская подружка, Эми, в прошлом месяце впервые вышла замуж. Ей тридцать шесть. Когда меня угораздило поинтересоваться, почему она так долго тянула, Эми выпучила глаза и сказала, что в возрасте более молодом ее интересовали совсем другие вещи – образование, карьера, путешествия.

Так что волноваться мне нечего.

Надеюсь, я вас убедила.

Так почему же все окружающие строят брови «домиком» и скорбно опускают уголки губ, стоит мне заговорить о самостоятельности?

Обо всем этом я размышляла по дороге на работу, в метро. А что еще делать в переполненном вагоне, балансируя на одной ноге и стараясь «отжиматься» от типа справа, от которого разит, как от мусорной кучи, полдня протомившейся на солнцепеке. Я пыталась отвлечься от утренней давки, размышляя о позитивных моментах тридцатилетия. Но потом настолько увлеклась, что пропустила две остановки. Пришлось бодрым галопом возвращаться обратно.

Так вот и получилось, что в понедельник, тринадцатого числа, я в очередной раз опоздала на работу.

* * *

– Александра, у меня есть замечательная идея, – сказал мой начальник, главный редактор газеты «Новости Москвы» Максим Леонидович Степашкин.

Я насторожилась – бойтесь боссов, идеи дарующих. Но выдать ироничный комментарий не посмела – все-таки я припозднилась, а он был настолько великодушен, что притворился, будто ничего не заметил.

Своего начальника я, честно говоря, давно недолюбливаю, и чувство это, увы, взаимно. Даже не знаю, как мне удалось продержаться в этой газете почти девять лет. Я пришла в «Новости Москвы» сразу после университета, сначала работала младшим ассистентом секретаря, потом корреспондентом, потом меня даже повысили до должности редактора, а теперь я еще и специальные репортажи иногда пишу. Со стороны, наверное, может показаться, что я сделала неплохую карьеру, но это иллюзия. Менялись только надписи на моей визитной карточке, зарплата же увеличивалась куда медленнее. И даже несмотря на то, что теперь я занимаю отдельный кабинет (больше похожий на чулан для швабр и бытовой химии), Степашкин меня совсем не уважает. Он продолжает обращаться со мной так, словно я последнее лицо в этой газете. Конечно, я сама виновата – опаздываю часто, теряю пресс-релизы, ленюсь... Но разве это повод для того, чтобы при каждом удобном случае зловеще грозить мне увольнением?

Признаться честно, я бы предпочла, чтобы на его месте восседал инертный, позевывающий и нетерпеливо поглядывающий на часы человек, отличающийся повышенной терпимостью к слабостям окружающих.

А наш главный редактор всегда полон щенячьего энтузиазма. К работе своей он относится с рвением холостого отщепенца, у которого не нашлось дел поинтереснее ежедневной дрессировки подчиненных. Сам он появляется в офисе не позже девяти и от других (вот хамло!) требует того же. Хотя, поверьте мне, по утрам в редакции еженедельной газеты делать просто нечего – суeta начинается лишь после полудня. И в итоге бледные от недосыпа сотрудники молчаливыми тенями курсируют по маршруту «курилка – кофейный автомат», проклиная начальника-трудоголика.

А еще Максим Леонидович фонтанирует разного рода идеями. Вот как сейчас.

– Мне кажется, что в нашей газете мало динамики, – изрек он, поправив на носу очки.

Еще одно небольшое лирическое отступление: я убеждена, что очки он носит фальшивые, для солидности. Я давно заметила, что зрение у него орлиное, в противном случае как бы ему удавалось каждый раз замечать, как я в разгар рабочего дня крадусь к лифту, чтобы ненадолго слинять в кафетерий на первом этаже?

– Что значит мало динамики? – Я придала своей заспанной физиономии максимально сосредоточенный вид.

– А вот что значит! – Он вскочил с кресла, обежал вокруг стола, выхватил из лежавшей на полу пачки газет свежееотпечатанный номер и энергично зашелестел страничками. Выражение лица, как у средневекового алхимика, который пытается найти золотую крупицу в пригоревшем вареве. – Вот наша газета! И что я вижу? Сплошные банальности! Бред! Фальшь! Что за темы? Откуда вы, блин, берете эти темы?

Я втянула голову в плечи.

– «В квартире певицы поселился барабашка!», – процитировал Максим Леонидович, – «Пенсионерка выходит замуж в восьмой раз!»... Какой кошмар... «В моде снова оранжевый!»

– Но оранжевый действительно в моде, – немного оживилась я и поправила на шее шелковый шарфик цвета зрелого апельсина.

– Я не про то, – безгласно поморщился шеф, – нам не хватает сюжетов из настоящей жизни! Романтичных историй. Таких, чтобы дух захватывало. Из-за этого у нас в последнее время низкие рейтинги.

– Может быть, все дело в самой жизни? В ней тоже не хватает таких историй, – вздохнула я, – в моей жизни уж точно. Чтобы дух захватывало.

– Не прибедняйтесь, Кашеварова, – усмехнулся он, – уж в вашей-то жизни историй столько, что хватит на троих.

От неожиданности я чуть не высморкалась в свой замечательный оранжевый шарфик. С каких это пор начальство проявляет интерес к моей личной жизни?

Мое замешательство не укрылось от зоркого глаза Максима Леонидовича (говорила же я, что очки бутафорские!). Он смущенно кашлянул и деловым голосом продолжил:

– Я хочу, чтобы вы сделали душераздирающий спортивный репортаж.

– Что? – изумилась я. – Но я ничего не смыслю в спорте. Никогда не писала для спортивного отдела.

– Я же не предлагаю вам прокомментировать футбольный матч.

– Однажды у меня был роман с футболистом, – некстати проямлила я, – даже не роман, а так...

– Не сомневаюсь в широте ваших интересов, – сухо перебил главный редактор, – но речь идет не совсем о спорте. Я хочу, чтобы это было нечто. Вы сделаете материал об экстремальных парашютистах. Об их жизни, мотивах работы, страстях. Мне кажется, у вас должно получиться.

– Я бы предпочла неделю московской моды, – вякнула я.

– Молчать! – гаркнул Степашкин. – А то я вспомню, что вы сегодня появились в офисе на полтора часа позже времени, оговоренного в вашем контракте.

У него даже лицо от злости покраснело. Знаете, так бывает в голливудских фильмах о монстрах с мощной компьютерной графикой. Распространенный киноход: в положительного героя вселяется некая злобная личинка, и на глазах ненатурально повизгивающей блондинки-героини он начинает превращаться в чудовище. Вот так и мой начальник – улыбка сползла с его лица, как косметика с физиономии разгуливающей под дождем кокетки.

– Ладно, напишу о парашютистах, – покладисто согласилась я.

– Вот и здорово, – он протянул мне исписанный неразборчивым мелким почерком листок, – здесь информация о бейс-джампинге, самой опасной разновидности парашютного спорта. Остальное найдете в Интернете. И телефон известного московского бейсера, Кирилла Калинина. Надеюсь, вы свяжетесь с ним в самое ближайшее время.

– Будет сделано, – вяло пообещала я.

– Да, и не вздумайте притвориться, что потеряли бумажку с телефоном, – спохватился Максим Леонидович. – Уволю!

* * *

Несколько месяцев назад в жизни моей произошло непоправимое. Страшная трагедия, навсегда нарушившая привычный ток событий. Моя лучшая подружка Лера, с которой я знакома со студенческой скамьи, которая была близка мне, как родная сестра, с которой когда-то у нас были одни брючки «Труссарди» на двоих (да что там брючки, пару лет назад мы по очереди переспали с одним мужчиной, который даже и не подозревал о том, что имеет дело с близкими подругами), – так вот эта самая Лерка вдруг скоростно... решила выйти замуж.

Это было так неожиданно!

Лерка – большая любительница мужчин и острых ощущений. Ее существование состояло сплошь из волшебных романтических свиданий и скоропалительных горячих страстей. Ее обычным состоянием было состояние влюбленности.

То у нее роман с известным политиком, то она собирается эмигрировать в Норвегию, потому что там, видите ли, живет некий голубоглазый Свен, с которым она познакомилась во время автобусного тура по Европе.

И так далее.

Поэтому, когда полгода назад в Леркиной жизни появился некий малозаметный тип по имени Виталик, я и глазом не моргнула. Откуда мне было знать, что этот русоволосый невысокий веб-дизайнер в итоге изменит всю мою жизнь, украв мою лучшую подружку? Ничто не предвещало беды: их роман начинался так, как начиналось и большинство Леркиных романов – с горячего секса в сортире модного вегетарианского кафе (Лерка ела низкокалорийный пареный тофу, Виталик лениво ковырялся вилкой в блюде с какими-то похожими на дохлых червей ростками, потом их взгляды встретились, ну и так далее, сами знаете, как это бывает). По логике скоропалительный роман должен был иметь весьма предсказуемый конец – торжественное исчезновение секс-бога из жизни Леры, которая пару дней горько его оплакивала бы, ну а потом, само собой, нашла бы утешение в объятиях очередного мачо. Но нет – любитель здоровой пищи неожиданно влюбился в мою подругу и после затяжной конфетно-букетной стадии вдруг подарил ей золотое кольцо с крупным сапфиром. Когда Лерка восторженно трясла перед моим лицом этим колечком, я не верила своим глазам.

Признаться честно, в первый момент я немного неадекватно отреагировала на сообщение о надвигающейся перемене Леркиного социального статуса. Я расхохоталась ей в лицо, как какая-нибудь пошлая завистница.

– Не смейся меня, – сказала я, – неужели ты, ты и правда собираешься выйти за него замуж?

Я ожидала, что подруга посмеется над улыбкой судьбы вместе со мной. Но Леркино лицо оставалось серьезным. Более того – глядя на то, как я веселюсь, она укоризненно качала строго причесанной головой.

– Кашеварова, но я и правда собираюсь замуж, – наконец сказала она.

Моя улыбка потухла, как разбитый хулиганами уличный фонарь.

– Ты меня не разыгрываешь?

– И не думала.

– Что ж... Ты, наверное, права, – замялась я, – все-таки нам уже тридцать...

– Мне больше, – напомнила Лера, – а почему ты, собственно, так огорчилась?

– Сама не знаю, – честно призналась я, – наверное, все произошло слишком быстро. Я оказалась неподготовленной к этой новости. Как-то не по себе становится, когда твоя лучшая подруга неожиданно перебегает во вражеский стан.

– Не говори глупостей, Кашеварова! – горячо воскликнула Лерка. – От того, что я выйду замуж за Витасика, ничего не изменится!

– Уже изменилось. Ты называешь его Витасиком. А пару месяцев назад ты говорила про него: «Помнишь, тот, худенький, с залысинами?»

– У Витасика нет никаких залысин! – отчеканила эта ненормальная. – У него просто такое строение лба!

Ее голос звенел так опасно, что спорить с ней я не решилась.

– Кашеварова, я по-прежнему останусь твоей лучшей подружкой, – смягчилась Лерка, – я просто буду жить в другой квартире, вот и все. Мы снова будем вместе ходить в кино и танцевать по субботам в «Шамбале».

– Что-то я в этом не уверена. А как же так называемый Витасик отнесется к тому, что ты пойдешь в кино со мной, а не с ним?

– Да он меня прекрасно понимает! – махнула рукой Лерка. – Я ему уже сказала, что нет ничего важнее, чем женская дружба.

– Ну-ну, – только и оставалось сказать мне. Этот душещипательный разговор состоялся между нами недели две назад. С тех пор я Леру ни разу не видела. Возможно, все дело в предсвадебном переполохе – Лерке столько всего надо сделать: и платье купить, и выбрать ресторан, и заказать лимузин, и решить что-то с романтическим путешествием. Но что-то подсказывало мне, что и после свадьбы вокруг нее не растает ореол недостижимости.

Неужели вот так бездарно я потеряла единственную настоящую подругу?!

* * *

Бейс-джампинг по праву можно назвать самым опасным из экстремальных видов спорта.

В. А. S. E. – это американская аббревиатура, которая дословно расшифровывается так: здания, антенны, мосты, скалы. С данных объектов любители адреналиновых всплесков бросаются с парашютом за спиной. От классического парашютизма бейс-джампинг отличается тем, что высота вышеуказанных объектов крайне невысока. Бейс-прыжок иногда длится всего несколько секунд – от того момента, как спортсмен оторвет ноги от крыши, например, и до того мгновения, как эти самые ноги вновь коснутся твердыни земли. Естественно, в этом виде спорта используется только один парашют, потому что у бейсера просто не хватит времени воспользоваться запаской. Любителей этого спорта подстерегает несколько опасностей. Во-первых, от переизбытка эмоций бейсер может просто не успеть раскрыть купол на нужной высоте. Во-вторых, если поза падения будет неправильной, неустойчивой, то открывающийся парашют может запутаться в ногах спортсмена. В-третьих, даже если купол благополучно раскрылся, есть опасность, что он резко развернется на сто восемьдесят градусов и спортсмен со всей силы врежется в тот дом, с которого он, собственно, и прыгнул. Ну и в-четвертых: мало ли что может случиться в момент приземления. Ведь возле каждой крыши или антенны (а тем более скалы) нет специально оборудованной площадки для приземления. Так что внизу любителя адреналина поджидают деревья, камни и прочие приятные сюрпризы.

Во многих странах бейс-джампинг считается незаконным видом спорта. Например, в Америке штраф за бейс-прыжок составляет пять тысяч долларов.

* * *

Я уныло взглянула сначала на бумажку с телефонным номером, полученную от начальника, потом на компьютерный монитор. Что ж, неплохо было бы набрать имя будущего героя моей статьи в поисковой системе. Хотя бы посмотрю, с кем мне придется иметь дело. Откровенно говоря, я предпочла бы пообщаться с каким-нибудь представителем мира моды, на худой конец, проинтервьюировать знаменитого актера (желательно обремененного несмываемым клеймом секс-символа). А не тратить время на какого-то ненормального, который в свободное время норовит сигануть с крыши собственного дома...

Но ничего не поделаешь – работа есть работа. Кому как не мне стоит всерьез задуматься о карьере? Неплохо бы наконец получить давно и безнадежно ожидаемое повышение, ведь мне скоро тридцать.

Итак, я зашла на «Яндекс» и набрала – Кирилл Калинин. И тут же мне было услужливо предложено зайти на десятки страничек. На первом же открытом мною сайте нашла и фотография ненормального парашютиста. Я посмотрела на экран, и ленивый столбик моего настроения резко скакнул по внутреннему термометру вверх.

ГЛАВА 2

Кирилл Калинин был самым красивым и чувственным мужчиной из всех особей противоположного пола, встреченных мною за последнее десятилетие. Честное слово, я не вру! Он был довольно высоким, его растрепанные волосы имели трогательно пшеничный оттенок, на щеках цвел открыточный нежный румянец, на загорелом лице сияли синие-синие, как сапфир на Леркином обручальном кольце, глаза.

Вот это да! Поцелкав мышкой, я увеличила фотографию и приблизила лицо к компьютерному монитору. С ума сойти, неужели такие редкие экземпляры еще встречаются в природе? Или это просто удачная фотография? Причем дело тут было не в строении лица, не в том, как сочетались друг с другом отдельные его черты. Было в нем что-то особенное, черт побери, что не так просто передать словами. Открытый взгляд, немного иронический прищур, мягкая улыбка.

Я вдруг поймала себя на мысли, что тоже улыбаюсь. Хорошо еще, что у меня отдельный кабинет, в противном случае сотрудники газеты решили бы, что Александра Кашеварова, став жертвой психической атаки главного редактора, сама окончательно съехала с катушек.

Не отрывая взгляда от лица Калинина, я нащупала телефонную трубку и набрала Леркин номер.

– Алло! – ответила та так быстро, словно ждала моего звонка.

Я подумала, что мы с Леркой, как близнецы или попугай-неразлучники, чувствуем друг друга. Знаете, как это бывает: если у одного близнеца насморк, у другого чешется нос.

– Алло, Витасик? – заворковала тем временем моя лучшая подруга.

Черт побери, так она ждала вовсе не моего звонка. Глупо, конечно, ревновать лучшую подругу к ее жениху, по законам жанра я должна желать ей счастья в семейной жизни и все такое...

– Это я, – мрачно отозвалась я.

– О, Сашка, – в ее голосе было неприкрытое разочарование. Подумать только! Она даже не удосужилась притвориться, что рада меня слышать!

– Если я не вовремя, могу перезвонить.

– Ну нет, почему же, – с нулевым энтузиазмом сказала она, – я просто составляю список гостей.

– Надеюсь, я включена?

– Ты на первом месте! – воскликнула Лерка. – Ну, после родителей Витасика и его сестрички, конечно.

Почему-то мне совершенно расхотелось разговаривать с Леркой. А тем более делиться с ней переживаниями по поводу будущего интервью. И рассказывать о сексапильном парашютисте Кирилле Калинине. И тем более просить у нее по этому поводу какого-нибудь совета.

– А ты что звонишь-то? – наконец «проснулась» Лерка.

– Да я вообще-то... просто так, – со вздохом соврала я, – хотела узнать, как твои дела.

– О, у меня все замечательно! – просияла она. – Вчера нашла такой прикольный магазинчик, «Волшебная невеста» называется. Так вот, чего там только нет. Даже танцевальные свадебные туфельки, представляешь?! Они похожи на пуанты. Это на тот случай, если у меня устанут ноги. Ну а как твои дела?

– Все по-старому.

– Вот и хорошо! Кашеварова, ты прости, но мне надо бежать! Мы как раз обсуждаем, стоит ли приглашать лучшую подругу двоюродной тетки Витасика.

– Может, встретимся сегодня вечером? – предложила я. – Кофейку попьем, поболтаем.

- Здорово! Хотя нет... Нет, сегодня никак не получится. У нас ужинают его родители.
- Ну... Тогда звони, когда будешь свободна, – уныло подытожила я.
- Договорились! – весело воскликнула в ответ моя подруга.

* * *

Помню, в юности я относилась к своей внешности с педантичностью маньяка, помешанного на деталях. Я лелеяла свою физиономию, словно это было драгоценное яйцо Фаберже. Косметолог два раза в месяц, регулярные посещения солярия, маски, крема, пилинги, травяные пилюли. Когда мне было тринадцать лет, я впервые выщипала в элегантную ниточку брови. Эта добровольная экзекуция имела весьма непредсказуемые последствия – на моем лице застыло непрошеное выражение легкого изумления, что очень подкупало школьных учителей, им казалось, что я вдруг стала относиться к учебному процессу с удивленной восторженностью первооткрывателя. В пятнадцать я каждый вечер держала лицо над кастрюлькой с травяным отваром, где-то я прочитала, что это полезно для очистки пор. В восемнадцать у меня появилась первая кислородная маска. Но годы шли, и постепенно мое рвение как-то само собой сошло на нет. И вот сейчас, когда мне почти тридцать и надо бы всерьез задуматься о сохранении молодости и красоты, – сейчас мне отчаянно лень заниматься собой. Иногда я, конечно, выбираюсь в солярий или на маникюр.

Но в тот день я расстаралась на славу. Кто знает, а может быть, Кирилл Калинин – это моя судьба? Глупо, наверное, верить в любовь с первого взгляда, когда тебе уже почти тридцать. Но чем черт не шутит?

Так что я накрутила волосы на крупные бигуди, в кои-то веки втиснула ноги в ботиночки на каблуках и густо накрасила ресницы.

Перед тем как выйти из дома, я взглянула на себя в зеркало и решила, что перед такой холеной красавицей ни один парашютист не устоит.

* * *

«Ну и троица!» – подумала я, когда парашютист Кирилл Калинин открыл мне дверь. Он был как две капли воды похож на собственную фотографию. И этот факт показался бы мне обнадеживающим, если он хоть на секунду задержал бы на мне заинтересованный взгляд. Но нет, он взглянул на меня мельком, совершенно равнодушно, как будто бы перед ним находился сотрудник службы «Пицца на дом», а не симпатичная молодая женщина в новом голубом шелковом пальто.

За спиной этого парашютного секс-символа маячили два колоритных персонажа. Темноволосый толстяк-очкарик в мятой майке с рисованной семейкой Адамс на груди. «Может, тоже парашютист-экстремал? – с сомнением подумала я, поглядывая на его тугой животик пивного происхождения. – Хотя вряд ли, эту мощную тушу ни один парашют не выдержит!»

И миниатюрная блондиночка, раздражительно великолепная, похожая на экзотическую тропическую птицу, – такая же яркая, грациозная, глаз не оторвешь. Ее кожа была светло-шоколадной, как ореховая кожура, а волосы длинными, прямыми и совершенно белыми, в природе такого идеально платинового оттенка не существует. Ее тело было словно высечено из мрамора талантливым скульптором, и сама она, естественно, была в курсе совершенства своих пропорций. Обтягивающие красные штаники и топ, оголяющий идеальный живот с миниатюрным аккуратным пупочком, еще больше подчеркивали ее агрессивное великолепие. А в пупке блестело золотое колечко, взглянув на которое я вспомнила, что тоже давно планировала сделать пирсинг, да все откладывала – страшно же... А вот она,

выходит, не побоялась. И в итоге выглядит теперь королевой красоты – особенно на моем фоне.

- Ну привет, что ли, – сказал Кирилл Калинин, даже не глядя на меня.
 - Добро пожаловать в наш дом, товарищ красивая журналистка, – подмигнул толстяк.
 - Только тапки наденьте, уж будьте добры, – нахмурилась красавица.
- Вот тогда-то, втиснувшись в тесноватую прихожую, я и подумала, – ну и троица!

* * *

Всегда, с самого детства, я чувствовала себя неловко в присутствии безусловных красавиц. Понимаю – главное, харизма, неповторимый стиль и чувство юмора. Но почему-то если в непосредственной близости от меня привлекательный мужчина беззастенчиво таращится на безупречные ножки какой-нибудь наглой в своем физическом совершенстве выскочки, а тебе уделяет внимания не больше, чем мебельному предмету, становится как-то не по себе. И хваленое чувство юмора отступает на задний план.

Вот так и в тот вечер в присутствии экзотической красотки я почувствовала себя старой, толстой и неказистой одновременно. Три порока в одном флаконе! Нагнувшись, чтобы развязать шнурки на своих модных остроносых ботинках, я случайно сшибла задом вешалку для зонтиков. Красавица и Кирилл Калинин красноречиво переглянулись, а толстяк услужливо бросился на помощь.

- Тесновато у нас, тесновато, – запыхтел он, подавая мне тапочки.
- Проходите в кухню, там и поговорим, – снисходительно улыбнулся Кирилл.

В квартире знаменитого парашютиста был умопомрачительный бедлам. Я и сама не отношусь к породе педантичных аккуратисток, но такое безобразие мне довелось созерцать впервые. Раковина обросла горой дурно пахнущей грязной посуды, на подоконнике толпились пыльные полусохшие растения в горшках, на столе громоздились кучи мусора, в которых лениво ковырялся непростительно жирный меланхоличный кот. Протянув руку, я потрепала его за ушком. Котьяра презрительно фыркнул и отвернулся.

- Это наше чудовище, – немного смягчилась красавица, – его никак не зовут.

- В смысле? – удивилась я.

– В прямом. Я его на помойке нашла. Мы долго спорили, как его назвать. Кирюша предлагал Квазимодо, а мне хотелось – Антуан. В итоге, когда мы опомнились, он уже откликнулся только на имя Кот.

«Да уж, помоечный кот, видимо, чувствует себя в этой квартирке как дома», – подумала я, усаживаясь на самый краешек потрепанного клетчатого диванчика-уголка.

Толстяк разыгрывал радушного хозяина:

- Чаю хотите? Кофе?

Я брезгливо покосилась в сторону засаленных чашек и нервно сглотнула. Не хватало еще кишечную палочку здесь подцепить. Хотя от хронического поноса, говорят, здорово худеют. Но боюсь, для меня это пока слишком экстремальный вариант.

– Нет, спасибо, я только недавно обедала... Что ж, может быть, приступим к интервью? – я деловито достала из сумочки блокнот. Моя журналистская гордость – рабочий блокнот в кожаном переплете от «Барберриз».

– Как скажете, – Кирилл уселся прямо на край стола (в грязных джинсах на обеденный стол!) и выжидательно на меня уставился.

– Для начала не мешало бы еще раз познакомиться... – замялась я. Боже, но как же такой красивый мужчина может жить в такой помойке?! – Я уже представлялась по телефону. Меня зовут Саша Кашеварова, газета «Новости Москвы».

– Никогда о такой газетенке не слышала, – вредно улыбнувшись, вставила свое веское слово красавица.

– Кирилл Калинин, – с шутливым полупоклоном отрекомендовался будущий герой моего спецрепортажа, – а это моя невеста Инга. Она тоже у нас знаменитость.

– Вы тоже парашютистка? – вежливо поинтересовалась я.

– Ну да, – лениво протянула Инга.

– Инга – гениально смелая девчонка, – разволновался толстяк, – она первая девушка-бейсер в России. Триста бейс-прыжков!

– А вы? – я переключила внимание на толстяка. Все-таки профессионал из меня никудышный. И репортерской закалки вкупе с беспристрастностью мне явно не хватает. Другая журналистка на моем месте с назойливостью изголодавшейся без свежей крови пиявки вцепилась бы в красотку-парашютистку. Какая «вкусная» тема – красавица, которая добровольно рискует жизнью, которая смакует адреналин, как божественный десерт. Но нет – в тот момент я была не высококлассным профессионалом, а проигнорированной женщиной, которая не собиралась удовлетворять амбиции удачливой соперницы.

– Денис не имеет отношения к парашютному спорту, – немного снисходительно объяснил Кирилл, – он мой брат, программист. В данный момент мы находимся в его квартире. Ладно, задавайте свои вопросы. – Он имел наглость посмотреть на часы.

– Но я думала, что вы пригласите меня посмотреть на прыжки, – холодно улыбнулась я, приняв решение с ним не церемониться, – я бы сделала фотографии.

– Вообще-то у нас планируется через недельку интересный прыжок, – дружелюбно отозвался Денис, – Инга будет прыгать из окна университетской аудитории.

– С МГУ? – вытаращила глаза я. – А что, вы договорились в ректорате?

Инга и Кирилл переглянулись.

– Это будет акция протеста, – словоохотливо поведал толстяк, – Ингушу достала одна преподавательница. Вот она и хочет выброситься из окна аудитории во время ее семинара.

– Спасибо, что рассказал об этом всему свету, Денис, – поджала губки красавица, – не думаю, что у моего прыжка будут свидетели.

– Я никому не скажу, честное слово, – вставила я, но Инга даже не посмотрела в мою сторону.

– Да уж, не говорите. Ингу и так в университете недолюбливают, – сказал Денис, – наверное, из-за ее профессии.

– А кем вы работаете? – я изо всех сил старалась изображать приветливость. Хотя безупречная блондинка внушала мне откровенную неприязнь.

– Инга – стриптизерка, – подал голос Кирилл Калинин, – самая лучшая в Москве.

«Все понятно», – чуть было не вырвалось у меня. И как это я сразу не догадалась, ведь внешность и манеры девицы прозрачно намекают на то, что она пашет на задворках шоу-бизнеса.

Кирилл Калинин посмотрел на часы.

– Саша, вы извините... Я был очень рад с вами познакомиться, но мне пора идти. У меня назначена другая встреча.

– Что? – опешила я. – А как же интервью? Ведь мы заранее договаривались!

– Я же извинился, – как ни в чем не бывало улыбнулся он, – давайте перенесем его на другой день.

– На когда? Мне статью сдавать надо, – растерялась я, – меня могут уволить.

Мои растерянная физиономия и просительный тон явно доставили Инге удовольствие. До чего же противная девка!

– Давайте на следующей неделе, а? Я вам сам позвоню, хорошо?

– Ладно, но... Но только вы уж меня не подведите!

– Разве я могу обмануть женщину? – подмигнул Калинин.

При этом на порочной его физиономии сияла улыбка, свойственная мужчинам, любимое дело которых – обманывать представительниц противоположного пола. Я знала, что скорее всего никогда он мне сам не позвонит. Мне придется обрывать телефон, разыскивая его, и еще часами уламывать согласиться на встречу.

И все-таки, когда тебе так улыбается такой мужчина – просто невозможно не улыбнуться смиренно в ответ.

* * *

Вернувшись домой, я не выдержала и позвонила все-таки Лерке. Может быть, и не стоило этого делать. Но такая уж у меня годами выработалась привычка – делиться впечатлениями дня с лучшей подругой. Лерка – это одушевленный интимный дневник, я могу доверить ей все – от самых страшных тайн (именно она первой узнала о моей торжественно утерянной девственности) до неважных на первый взгляд мелочей (иногда мы часами можем обсуждать преимущества старых добрых панталонов над трусиками-стринг).

– Лерок! – весело начала я, дождавшись знакомого «алло!». – Чего сегодня было! Не поверишь.

– Что-то случилось? – без особенного интереса в голосе переспросила она.

– Да так, ничего важного, – немного смутилась я. И в самом деле, может быть, у нее неприятность, а я тут эгоистично лезу с сущими пустяками. – А у тебя?

– Устала, как тяжеловес, – вздохнула моя лучшая подруга, – весь день провела в ателье. Свадебное платье подгоняли по фигуре. Больше не могу, вся эта суматоха выматывает так, что начинаешь жалеть о том, что ответила «да».

– Ну и не отвечала бы, – вполголоса пробормотала я.

– Что?

– Ничего, помехи на линии. А я сегодня познакомилась с таким мужиком! У него синие глаза, представляешь? Он похож на... Нет. Ни на кого не похож, он единственный в своем роде. Парашютист.

– Да? И что, у вас что-то было?... Ой, подожди минуточку, – и она прокричала куда-то в сторону: «Нет, только не “амаретто”! Вы слышите меня? Я ненавижу миндаль!», – что ты сказала?

– Я не вовремя, да? У тебя вечеринка?

– Да какая там вечеринка, просто Витасик со своими родителями. Мы выбираем рецепт свадебного торта. И они хотят добавить в крем «амаретто». Но я сказала – нет!

«Лучше бы ты сказала “нет”, когда этот так называемый Витасик попросил тебя составить его счастье, – тоскливо подумала я, – тогда бы моя лучшая подруга осталась бы при мне!»

– Ладно, Лер, я лучше позже перезвоню.

– Ты обиделась? Ну, Кашеварова, подожди, чего ты как не родная? – в ее голосе на секунду проснулась прежняя Лерка, взбалмошная, энергичная. – Мне же жутко интересно узнать о твоём новом мужчине. Говоришь, он летчик?

– Парашютист, – вздохнула я.

– И как? – невпопад поинтересовалась она. – У вас уже был секс?

– Нет и не будет, – усмехнулась я, – об этом я и хотела с тобой поговорить. Лерка, я просто раздавлена. В кои-то веки мне кто-то понравился, так нет – он занят. Его девушка – стриптизерка, она такая красивая, она...

– Нет! – взревела Лерка. – Ненавижу грецкие орехи!!! Ну почему нельзя украсить его мармеладом?! Извини, Кашеварова, продолжай. Итак, у вас уже был секс?

- Был, – понуро ответила я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.
- И как? – ничуть не оживившись, спросила она.
- Под джинсами у него женские трусики. Как ты думаешь, что бы это значило?
- Странный, – равнодушно согласилась она, – хотя нельзя судить по таким мелочам.

Вот мой Витасик спит в бандане, – ее голос потеплел.

Похоже, я скоро ее Витасика возненавижу.

– В бандане? Но почему?

– Говорит, иначе ему в уши дует, – умилилась Лерка.

– Посоветуй ему испробовать мотоциклетный шлем. Очень помогает. Ладно, Лер, мне и правда надо идти.

– Хорошо, что позвонила. Передавай привет своему летчику.

– Парашютисту, – машинально поправила я.

Но она меня уже не слушала. Перед тем как повесить трубку, я успела услышать Леркин вопль:

– И проследите, чтобы крем был низкокалорийным! Среди моих гостей будут незамужние девушки! Им надо оставаться в форме.

Так я поняла, что все-таки потеряла лучшую подругу.

* * *

Что может быть хуже, чем проснуться среди ночи от назойливого телефонного звонка? Тем более если пронзительная трель беспардонно ворвалась в томный эротический сон, в котором я целовалась с синеглазым смельчаком, раскачиваясь под куполом парашюта? И вот еще что обидно – мне ведь так редко снятся яркие запоминающиеся сны. В основном неизменным главным героем моих нервных сновидений бывает мой начальник Максим Леонидович Степашкин, который, грозно сдвинув над очками белесые брови, нешуточно грозит увольнением. Какая уж тут эротика.

А тут... Не разлепляя глаз, на ощупь я плелась к телефонному аппарату, а мои ладони еще чувствовали мягкое покалывание модной ухоженной щетинки героя моего сна.

– Кто? – прохрипела я, нашарив наконец трубку.

– Ээээ... Саша? – неуверенно переспросили на другом конце провода.

– Ну! – неинтеллигентно согласилась я.

– Наверное, я не вовремя... – замялся невидимый собеседник, голос которого не казался мне знакомым, – может быть, перезвонить утром?

– Замечательно, – окончательно проснувшись, рывкнула я, – получается, что вы разбудили меня, чтобы извиниться за ночной звонок. Кто это?

– Но я правда не хотел... Еще только половина второго...

– И правда! Время детское.

– Это Денис...

– Денис? – Я потеряла ладонью висок. Готова поклясться, что ни одного Дениса среди моих знакомых не было и нет. Хотя... А вдруг это все же тот блондин, которому я впарила свой телефон на вечеринке две недели назад? Он ведь так и не объявился. На всякий случай я добавила в голос немного здорового эротизма. – Денис?

– Ну да. Денис. Брат Кирилла Калинина.

– Ах, вы, – я не смогла скрыть невольного разочарования. Обидно быть разбуженной среди ночи, но вдвойне обидно, когда тебя будит полужнакомый неряшливый толстяк.

– Еще раз меня простите. Но мне... Если честно, просто захотелось услышать ваш голос.

Только этого мне не хватало. До чего я докатилась – со мной уже смеют заигрывать слоподобные уцененные герои. Потому что всех красавчиков-спортсменов разобрали загорелые стриптизерки. Какое убожество.

– Вот как? Что ж, ты его услышал. Теперь мой голос, а заодно и я сама можем отправиться досматривать сон?

– Я правда не хотел... Тебе, наверное, завтра на работу рано, – мялся он.

– А ты как думал?

– Мы с Кириллом совсем недавно говорили о тебе.

– С Кириллом? – немного оживилась я. – И что говорили?

– Я сказал, что ты хорошенькая. А он... – Денис вдруг замолчал на полуслове, из чего я сделала неутешительный вывод о реплике Кирилла. Ну и ладно. Ну и не больно-то надо.

– Спокойной ночи.

– Подожди, Саша! Мне удалось уговорить его по поводу прыжка! Ты можешь поехать с нами. Это будет на следующей неделе, скорее всего в среду.

– Да? – недоверчиво переспросила я.

– Инга, конечно, была вне себя. Но в итоге смирилась. Так что, – в его голосе послышались горделивые нотки, – можешь сказать мне спасибо за эксклюзивный материал.

«Может быть, с тобой еще и переспать три раза за эксклюзивный материал?» – подняв бровь, подумала я, но вслух послушно сказала: спасибо.

– Ну а в выходные... – никак не унимался толстяк, – в выходные мы все вместе едем на аэродром. Хочешь с нами?

– На аэродром? – нахмурилась я. – Это еще зачем? И потом, у меня в субботу день рождения.

– Да ты что? – обрадовался он. (Мне б хоть половину его оптимизма!) – Тогда ты просто обязана поехать. Мы подарим тебе парашютный прыжок!

– Спятил, что ли? – только в тот момент я проснулась окончательно. – Какой прыжок? Я даже на балкон выходить не решаюсь, если нахожусь выше третьего этажа.

– Тебе понравится, вот увидишь! Или... Или у тебя были какие-то планы, – его голос погрузнел, – ну да, ты же, наверное, планировала вечеринку. День рождения все-таки.

И опять он бестактно ступил на мою болезную мозоль. Потому что никакой вечеринки в собственный день рождения я вовсе не планировала. То есть не совсем так... Была у меня мысль собрать всех ближайших подружек и устроить классический разбитной девичник – сначала набиваем животы в китайском ресторане, потом повышаем градус в баре, потом идем в клуб с мужским стриптизом и засовываем в стринги накачанным мулатам мятые сторублевые купюры. Ну и заканчивается эта вакханалия распитием бутылки шампанского где-нибудь на Воробьевых горах.

И когда я поделилась наполеоновскими планами с подругами, они вроде бы горячо меня поддержали. Но потом... Лерка извинилась, что не сможет прийти, – у нее, видите ли, запланировано знакомство с какими-то родственниками. Жанна как раз в эти выходные собралась в Турцию со своим очередным любовником, Кирочка пишет диссертацию, Лидуся работает во вторую смену. В итоге вечеринку пришлось отменить. День рождения обещал быть тоскливым – посиделки с родителями перед телевизором и салат «Оливье» в качестве гвоздя программы.

– Да не то чтобы и правда планировала... – протянула я.

– Тогда поехали! – оживился Денис. – Поедем на машине Кирилла! Все вместе.

– Кирилла? – переспросила я.

– Ну конечно. Он тоже будет рад тебя видеть.

– Это он тебе сказал?

– Нет, – рассмеялся Денис, – но я точно знаю. Да поехали, Саша. Заодно познакомишься поближе с героем своей будущей статьи!

Уж как-то слишком многообещающе это прозвучало. Хотя я уверена, что Денис вкладывал в эту реплику вполне невинный смысл.

– Что ж... Даже не знаю... Ну ладно, думаю, я смогу поехать. Но только учти, никаких парашютных прыжков. Только не я.

– Договорились! – весело заключил Денис.

* * *

Однажды, лет десять назад, будучи еще романтично настроенной студенткой с глазами, доверчиво распахнутыми навстречу окружающему миру, я уже попала на эту удочку. Я имею в виду непринужденную демонстрацию смелости понравившемуся мужчине с целью оперативного захомутания оногo. И на собственном горьком опыте убедилась, что ни к чему хорошему такое психологическое самоизнасилование не приводит.

Дело было летом в одном небезызвестном московском парке развлечений. В то время особенной популярностью пользовался аттракцион «тарзанка»: тебя загоняют на вышку, за ноги привязывают к эластичному шнуру, а дальше – испытывай себе на здоровье мимолетную радость свободного падения. У самой земли шнур затормозит твой разбег и не даст дурной твоей голове соприкоснуться с земной твердыней. Удовольствие примерить на себя роль отчаянного самоубийцы стоило недешево, но несмотря на это возле «тарзанки» всегда толпилась небольшая очередь.

В то лето среди моих главных приоритетов был сокурсник по имени Максим, кареглазое чудо с ресницами такой чудовищной длины, что из них косы можно было плести. Максим был на нашем курсе новеньким, что придало ему статус лакомого кусочка – на журфаке ведь не так много особей мужского пола, да и те давно успели «замылить» нам глаза. На успех с таким популярным персонажем я и не рассчитывала, но каково же было мое удивление, когда однажды Максим пригласил меня прогуляться по парку в субботу! В радостном предвкушении я готова была сплясать джигу на кухонном столе. В пятницу вечером я посетила парикмахерскую и выкрасила ногти на ногах в ярко-фиолетовый цвет. Я летела на свидание, как на праздник, но у памятника Пушкина, где мы договорились встретиться, меня поджидало катастрофическое разочарование. Дело в том, что кареглазый Максим затеял... свидание втроем. То есть он позвал на прогулку не только меня, но и кудрявую рыжую Верку из группы литературной критики. Иными словами, это было и не свидание вовсе, а так, дружеская прогулка однокурсников.

Но плохо он меня знал, Максим этот. Я решила, что раз уж судьба-индейка подкинула мне шанс провести как минимум часа три в обществе Господина Лакомый Кусок, то я воспользуюсь этим на все сто. Самое неприятное, что Верка, дура рыжая, похоже, приняла такое же решение. Невозможно было не заметить, как она из кожи вот лезет, чтобы понравиться Максy: грудь колесом, зад ходуном ходит при каждом шаге, как будто бы она идет не по пыльной мостовой, а по парижскому подиуму!

Верка схватила нашего общего кавалера под руку. Не растерявшись, я моментально завладела другой рукой немного растерявшегося однокурсника. Так мы и прогуливались по парку: в одно ухо Верка нашептывала ему нечто слащавое, с претензией на интеллект (подумать только, она пыталась пересказать ему какой-то из диалогов Платона! Нет, определенно, эти девчонки из группы литературной критики немного не в себе), я же в другое ухо потчевала его анекдотами из жизни поручика Ржевского. Максим вел себя как настоящий джентльмен, он покорно подавал философские реплики, обращаясь к Верке, и искренне хохотал над моими историями. Шло время, а я так и не могла понять, кто ему нравится больше. Я или

дура Верка? Дура Верка или же все-таки я? Моя рыжеволосая соперница была мучима аналогичными мыслями. Победное выражение, не покидавшее ее смазливую физиономию на протяжении всей прогулки, наконец уступило место недоумению.

Настало время решительных действий. Хитроумных военных операций с целью штурма холодного сердца кареглазого объекта наших смутно-эротических сновидений. Поскольку честно капитулировать это холодное сердце, судя по всему, не собиралось.

Первой выступила Верка. Мы как раз проходили мимо летней танцевальной площадки, когда она вдруг отцепилась от рукава Максима и дернулась в сторону. Я понадеялась было, что причина столь странного поведения – неожиданный приступ диареи. Но нет, все было хуже. Просто Верке вздумалось продемонстрировать свою точеную фигурку в танце. Она несколько минут покружилась под переливы аккордеона, и легкая газовая юбка красиво развевалась вокруг ее длинных ног. Я заметила, что Максим смотрит на Верку удивленно и восхищенно. Я должна, должна была срочно что-то предпринять.

И тут я увидела ее. Злополучную «тарзанку».

«Ну погодите у меня! – мстительно улыбнувшись, подумала я. – Прогарцевать под музыку каждая дура может. А вот сигануть головой вниз в пропасть – на такой подвиг способны лишь единицы. Я вам покажу, что я девушка особенная».

– Смотри, «тарзанка», – весело воскликнула я, отвлекая внимание Макса от выпендривающейся Верки.

– Что? – он сфокусировал на мне рассеянный взгляд. Как и большинство мужчин, он был падок на примитивные заигрывания. Ничего, сейчас он увидит, на что способны настоящие женщины ради любви.

– «Тарзанка», – с терпеливой улыбкой повторила я, – никогда не пробовал?

– Н-нет, – пожал плечами он, – мне кажется, это довольно опасно. А что, если веревка не выдержит?

Честно говоря, он озвучил мои мысли. Мне тоже всегда было интересно, часто ли проверяется стойкость веревки. В конце концов она же эластичная и может легко растянуться до такого состояния, что очередной участник развеселой игры в самоубийство и впрямь воткнется башкой в асфальт.

Но давать задний ход я не собиралась. Тем более что к нам вернулась порозовевшая от танцев Верка.

– Выдержит, – решительно выдохнула я, – хотя ты прав, этот аттракцион не для слабаков... Вер, может, прыгнем?

Она испуганно попятилась назад.

– Да нет. Я высоты боюсь.

Я презрительно фыркнула – мол, что с тебя вообще возьмешь! И уверенно соврала:

– А я люблю высоту! Мне кажется, что высота – это полет, это свобода. И вот сейчас у нас есть шанс подняться над головой толпы, над проблемами и мелочами.

– Ну да, а потом рухнуть в эту толпу с диким воплем, – хмыкнул Макс, – удовольствие еще то.

– Так прямо и скажи, что ты испугался! – подстегивала я.

Краем глаза я заметила, что Верка слегка помрачнела. Еще бы, теперь непостоянное, как майская погода, внимание самого желанного мальчика нашего курса было целиком и полностью приковано ко мне! Как я была собой довольна – ай да я! Я чувствовала себя почти роковой женщиной, решительной, смелой. Я бросила ему вызов, я предложила поединок.

– И потом, риск меня возбуждает, – понизив голос, добавила я. Меня, что называется, «повело», я сама стала пленницей созданного собою же образа.

– Да? – немного удивился он. – А ты это все к чему, Сань? Неужели и правда прыгнуть хочешь?

– Ну...

– Да ей слабо, – вякнула Верка.

Лучше бы она этого не говорила, корова рыжая. Я гордо выступила вперед:

– Конечно! Это мой любимый аттракцион.

– Ты и раньше пробовала? – Его удивление трансформировалось в замешательство.

– И неоднократно, – щелкнула пальцами я. – Итак, где тут конец очереди?

– Но на тебе же юбка, – прошипела Верка.

– Это меня не остановит, – подмигнула ей я.

И вот, оставив их топтаться у подножия вышки, я приобрела невероятно дорогой билет (о дура! На эти деньги можно было бы купить модные соломенные босоножки!) и храбро полезла вверх. К физическим нагрузкам я с детства равнодушна, и никаких милых спортивных увлечений у меня нет. Поэтому, взобравшись наконец на возделенную вершину, я с трудом перевела дыхание. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, в глазах потемнело.

Вверху поджидал меня сотрудник, отвечающий за безопасность отчаянных прыгунов.

– Девушка! – увидев меня, обрадовался он. – Надо же, первая девушка за сегодняшний день. Идите сюда, я помогу вам надеть обвязку.

Я послушно позволила пристегнуть меня к весьма сомнительной на вид конструкции. Я так выдохлась, что даже не успела испугаться высоты.

– А она точно не оборвется? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Да что вы, не берите в голову. Это случается очень редко! – доброжелательно расхохотался он. – Этим летом всего пятьдесят человек и погибло!.. – Насладившись моей бледностью, он все же добавил: – Шутка. Не волнуйтесь, красавица, все будет супер... Так, подходим к краю и прыгаем. Вперед, а то у меня очередь.

Я приблизилась к краю и нервно сглотнула. Несмотря на высоту, я прекрасно видела Макса и Верку – они стояли, подняв встревоженные лица вверх. Верка, на мой взгляд, немного переигрывала – в ложной тревоге за мое благополучие она крепко прижалась к плечу нашего общего кавалера и даже схватила его за руку. Неужели он не замечает, насколько фальшивым выглядит ее испуг? Готова поклясться, она будет счастлива, если я сломаю ногу. Тогда можно будет со спокойной совестью сплавить меня в травмпункт и единолично заняться Максимом.

Эти мысли придали мне злой решимости. Крепко зажмурившись и отчего-то расставив руки в стороны, я осталась стоять на краю вышки.

– Девушка! Что же вы? – окликнул меня инструктор. – Не создавайте очередь! Или прыгайте, или уходите!

Второй вариант показался мне куда более соблазнительным. Но разве могла я уронить лицо? Это была бы полная капитуляция, а я из тех, кто борется до конца – во всяком случае, именно такой мне хотелось бы быть.

– Сейчас... – прохрипела я.

– Хотите, подтолкну? – услужливо предложил он.

– Нет! – Я испуганно обернулась: – Лучше стойте где стоите. Не приближайтесь ко мне, а то я прыгну вниз! – прямо как самоубийца из американского блокбастера пригрозила я. И в фильме встревоженные спасатели непременно отступили бы на шаг назад и ласково сказали бы: «Спокойно, все будет о'кей». Но этот гнусный тип, с законами жанра явно не знакомый, возопил:

– Так мне и надо, чтобы ты прыгнула вниз, дура!

От неожиданности я даже попятилась – тогда и случилось непоправимое: одна моя нога, обутая в изящную босоножку на тоненьком деревянном каблучке, сорвалась с вышки. С утробным ревом я полетела вниз. Земля приближалась так стремительно, что из моей груди вырвалось концептуальное: «П... ц!!!!»

А открыв глаза, я сразу же увидела удаляющиеся спины Максима и Верки.

– Эй, куда вы? – севшим голосом окликнула их я. В голове вертелась спасительная мысль: может быть, они пошли за мороженым для меня? Нужна ведь мне какая-то моральная компенсация за пережитый ужас. Но нет, судя по всему, возвращаться сладкая парочка и не планировала.

На следующий день я подошла к Максиму – нет, не для того, чтобы продолжить мастер-класс по утонченному завоеванию мужчины. Я просто поинтересовалась: почему? Почему так получилось: я хотела, как лучше, а в итоге осталась посреди парка в гордом одиночестве.

Помявшись, он ответил:

– Вы мне обе очень нравились... Наверное, я был не прав, когда решил посмотреть на обеих вместе, сравнить вас...

– Прекрати расшаркиваться, говори по существу! – отрезала я.

– Ну... Саша, ты какая-то чумовая. А она – спокойная и женственная. Ты весь день вела себя, как сорванец, а уж когда дело дошло до «тарзанки»... Я понял, что надо бежать, пока не поздно.

Вот такая грустная история произошла со мной десять лет назад. Почему-то она вспомнилась мне именно сейчас, когда Денис предложил совершить парашютный прыжок. Хм... Неужели я во второй раз наступлю на одни и те же грабли: вместо того чтобы быть самой собой, я начну притворяться сорвиголовой, которой все нипочем. Правильно ли это?

– Саша, ты подумай, а в субботу утром я тебе позвоню, хорошо?

ГЛАВА 3

– А почему бы и нет? – пожала плечами Лерка, когда следующим утром я пересказала ей этот ночной телефонный разговор.

Мы с Лерой трудимся в одном офисе – почти десять лет назад мы, выпускницы факультета журналистики, робко мечтающие о всемирном признании, открыли дверь редакции еженедельной газеты «Новости Москвы». Мы думали, что данное периодическое издание станет первой ступенькой нашей мраморной карьерной лестницы. Но так сложилось, что и до сих пор мы работаем бок о бок все в той же редакции. Не карьерная лестница, а какая-то стремянка получилась... Но мы не расстраиваемся (разве что иногда, когда видим по телевизору кого-нибудь из бывших однокурсниц со статуэткой «Тэфи» в руках). Зато в любой момент я могу постучаться в дверь тесного Лериного кабинета. И запершись на два оборота ключа, мы можем предаться расслабленному отлыниванию от рабочего процесса – распитию чая с шоколадными конфетами например. Или обсуждению модных журналов.

В Леркином кабинете было сильно накурено и, мягко говоря, не очень чисто. По степени загрязненности это небольшое помещение могло соперничать даже с квартирой Дениса Калинина. Создавалось впечатление, что кто-то учинил здесь бесцеремонный обыск, – на полу, на столе, на подоконнике валялись газетные вырезки, журналы, образцы тканей.

В первый момент я даже попятилась от неожиданности:

– Я не вовремя?

– Что ты, заходи! – жизнеутверждающе воскликнула Лерка. – Я просто выбираю фасон свадебного букета.

– Фасон свадебного букета? – с коротким хохотком уточнила я. – Прости, но разве у букета может быть фасон? По-моему, это просто пучок цветов.

– Ты ничего не понимаешь, – надулась Лера, – букет – это же символ нашего счастья. По традиции, он будет подброшен вверх. А все незамужние девушки, присутствующие на свадьбе, должны будут попытаться его ухватить. Кому удастся – тот и выйдет замуж следующей.

– Дурацкий предрассудок. – Я достала из кармана сигареты. – Лерусь, и охота тебе на такую ерунду деньги тратить?

– Это не ерунда, – поучительно сказала она (о боже! моя лучшая подружка готова добровольно трансформироваться в добропорядочную фрекен Бок, которая запишется на курсы йоги и вязания крючком, а по выходным будет вертеть индюшачьи котлеты), – подумай, а вдруг букет поймает именно ты, Кашеварова?

– Ага, жди, – усмехнулась я, – ты что, забыла, что среди гостей будет Милка Кашина? Она занималась баскетболом, у нее первый разряд. Угадай, кто поймает букет невесты?

– Ну да, – поскучилась Лерка, – но, если хочешь, я буду целиться в тебя.

– Какое благородство, – пробормотала я, – нет уж, пусть лучше замуж выходит Кашина. Не зря же она всю юность угробила на баскетбол... Лерка, я вообще к тебе по делу. Послушай, что у меня приключилось.

Я коротко пересказала ей телефонный разговор с Денисом. Тогда она и сказала:

– Но почему нет? Парашютный прыжок в день рождения. Это же так оригинально, Кашеварова! А ты у нас всегда оригинальничать любила.

– Я вообще черный юмор не люблю... Но не хотелось бы, чтобы мой день рождения обернулся днем смерти. Хотя это тоже было бы оригинально.

– Типун тебе на язык!

– Ну да, а вдруг парашют не раскроется?

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, – махнула рукой Лерка, – между прочим, я прыгала с парашютом, целых два раза. Ощущение незабываемое.

– Нашла чем хвастаться. Просто у тебя был роман с парашютистом. У тебя не было выбора.

– У тебя тоже будет роман с парашютистом, – «успокоила» меня Лерка, – сама же говорила, что тебе нравится этот... как его там... Кирилл Калинин.

Я изумленно вскинула на нее глаза.

– Лерка, ты запомнила?!

– А почему это тебя так удивляет? – не отрываясь от каталога цветочного салона, спросила она. – Ты же как-никак моя лучшая подруга.

– Просто ты в последнее время так... хм, увлечена своей свадьбой... Я думала, ты не забываешь моих дурацких историй. Значит, ты считаешь, что надо прыгать?

– Конечно! Даже думать тут нечего!.. Что ты думаешь о фиалках в сочетании с белыми розами и декоративным папоротником?

С этими словами Лерка захлопнула каталог.

* * *

– Я уж лучше повешусь, чем буду жить старухой, – изрекла моя тринадцатилетняя двоюродная сестра Катерина, беспардонно ворвавшаяся в мою квартиру тем субботним утром, которым мне стукнуло-таки тридцать лет.

Позевывая, я пыталась выдавить снисходительную улыбку взрослой мудрой женщины. Получалось плохо. И зачем только моих родителей угораздило притащить с собою эту малолетнюю хамку, раскрашенную, как ассистентка жонглера провинциального цирка? Эта маленькая семейная драма носила прозаическое название: поздравление непутевой дочери с юбилеем. Несмотря на то что накануне я наистрожайшим образом запретила родителям являться ко мне с цветами и подарками, они все же поступили по-своему. Да еще и Катерину привели. Все же жизнь несправедлива: когда я видела Катю в последний раз (было это года два назад), она была всего лишь костлявым большеглазым подростком и смотрела на мою золотую сумочку «фенди» (подделка, но она-то этого не знала), как на божественный алтарь. А вот теперь у нее хватает нахальства на дружелюбную снисходительность. Самое обидное, что малолетняя кузина выглядела, как сошедшая с глянцевого обложки дива. Она вытянулась, оформилась (ну почему так получается?! У меня и к тридцати годам не выросла грудь, а у этой выскочки уже в тринадцать второй размер?!). На ней была юбка такой длины, которую можно позволить себе, когда голова не обременена тяжелыми мыслями, а бедра – излишним жирком.

Если бы они хотя бы позвонили заранее, я бы хоть причесаться успела. А так пришлось принимать гостей в пижаме.

– Сашенька, желаю тебе наконец найти мужа! – с этими словами мама вручила мне перевязанную уродливым красным бантом коробку.

– Что здесь? – подозрительно спросила я. Коробка была огромной, но совсем легкой. Может быть, мама разорилась на платье от «Эскада», о котором я взахлеб рассказывала ей на прошлой неделе? В сладостном предвкушении я развернула оберточную бумагу и... Извлекла на свет божий огромную плюшевую игрушку – скобаченного аиста с длинным пластмассовым клювом.

– Прелесть, правда? – расхохоталась мама. – К тому же это подарок с особым смыслом.

– Нам нужен внук, дочь, – со свойственной ему прямолинейностью разъяснил отец, дружески хлопнув меня по плечу. Сила удара была такова, что я беспомощно отлетела к противоположной стене. Хорошее утречко, ничего не скажешь.

– Ребенка надо успеть родить до тридцати, – вздохнула мама, – или хотя бы до тридцати одного...

– Значит, у меня есть всего три месяца на поиск папаша, – оптимистично заявила я, – чтобы родить в тридцать один, необходимо поторопиться.

– Тридцать лет, какой ужас, – вякнула Катерина, – я уж лучше повешусь, чем доживу до тридцати.

Не поверите, но вместо того, чтобы отхлестать ее по щекам томом большой советской энциклопедии, я всего лишь предложила кофе. Катерина мимоходом заметила, что сладкого она не употребляет, впрочем, мучного и соленого тоже. Тот факт, что даже у тринадцатилетней пигалицы хватило силы воли сидеть на диете, отнюдь не придал мне оптимизма. Хорошо, что хоть родители не отказались от эклеров, которые я всегда держу в холодильнике как экстренную и беспроектную терапию от стресса средней степени тяжести.

К концу пятого эклера мама, застенчиво потупившись, выдала:

– Сашенька, вообще у меня есть еще один подарок...

– Вот оно что? Наверное, это упаковка памперсов?

– Не надо принимать все так близко к сердцу, я же тебе добра желаю! Сашенька, я тебе мужа нашла.

– Что?! – чайная ложечка выпала из моих ослабевших пальцев и со звоном брякнулась на стол.

– Если я не выйду замуж до двадцати, повешусь, – встала Катерина, вместо кофе употребляющая исключительно слабозаваренный чай с обезжиренным молоком, – кому я потом буду нужна?

– Мужа, – спокойно повторила мама. – Я подумала, что раз уж ты не в состоянии устроить свою личную жизнь... то мы тебе поможем!

– Вот спасибо, – пробормотала я, – и где же ты его нашла? В газету объявление давала?

– Ну зачем ты так, – вид у мамы был самый что ни на есть гордый, – это сын одной моей знакомой, очень приличный человек.

– Да? А почему ты решила, что мы понравимся друг другу?

– Вообще-то я показывала ему твои фотографии, – улыбнулась мама, – и ты ему нравишься...

Правда у меня были только детские снимки, где тебя принимают в пионеры!

– Так он еще и педофил?! – ужаснулась я. – Его возбудили мои заклеенные пластырем коленки?!

Когда я произнесла слово «педофил», мой отец поперхнулся эклером, и маме пришлось добрый десяток минут колошматить его ладонью по спине. Все это время Катерина с отсутствующим видом вычитывала информацию о содержании жиров на упаковке из-под пирожных.

– Сашенька, это и правда замечательный вариант, – укоризненно покачала головой мама, – он врач! Очень благородный и добрый человек. Хорошо зарабатывает. И ему тоже не везет с женщинами.

– Почему, интересно мне знать, раз он так хорош? – подумав, я запихнула в рот шестой эклерчик. Плевать на диету и на возмущенную Катякину гримасу. В моем возрасте глупо ждать от дня рождения сюрпризов, так хотя бы наемся до отвала.

– А почему ты одинока? – отец попытался обратиться к моей логике. – Найти своего человека так сложно, это тебе не кино, а жизнь! – Он сжал мамин локоть. – До того как мне повезло встретить твою мать, я наделал много ошибок...

– Много? – прищурилась мама. – Но ты мне рассказывал только о четырех.

– В любом случае, сейчас речь идет о нашей дочери, – спохватился папа.

– Да. Сашенька, я уже дала Валере твой телефон.

– Не могла со мной сначала посоветоваться? – угрюмо спросила я. – Ладно, попробую не хамить, когда он позвонит.

– На твоём месте я бы соглашалась, – встряла Катерина. – Кстати, у тебя нет, случайно, хлебцев с клетчаткой?

– С чем? – растерянно переспросила я. – Есть батон с изюмом, не устроит?

– Ты безнадежна, – покачала головой моя тринадцатилетняя кузина, – твоё мама права, надо бы тебе скорее устроиться. А то потом, когда ты растолстеешь, будет совсем сложно.

* * *

Когда милые родственнички наконец-таки покинули мою квартиру, от радости мне хотелось плясать сальсу на руинах некогда вполне аккуратного жилища. Гостей было всего трое, но создавалось впечатление, что последние три дня моё жилище играло роль притона для развеселой толпы. Вся одежда из шкафов выворочена и разноцветными грудями валяется прямо на полу (наверное, не надо было позволять Катерине рыться в моих платьях), кухонный шкафчик сорван с петель (папе вздумалось его починить, но беда в том, что руки его золотыми не назовёшь, и теперь вот сей мебельный предмет восстановлению не подлежит), продукты исчезли из холодильника (мама заявила, что я нездорово питаюсь, и сгребла всю мою еду в мусорный пакет).

Отлично, теперь весь остаток дня рождения придется посвятить генеральной уборке и закупке продуктов. Веселая вечеринка, ничего не скажешь. А может быть, плюнуть на все, поехать в центр? Прошвырнуться по магазинам, подарить самой себе что-нибудь шикарное, например новую вечернюю сумочку? Потом отобедать в модном кафе, в кино сходить. Маленький оазис непослушания среди унылых будней.

Проснулся телефон.

Ну наконец-то. Хотя чья-то совесть лениво пробудилась от зимней спячки. Кто-то возжелал поздравить меня с праздничком.

– Саша? – прошелестел подозрительно знакомый мужской голос.

– Кто это?

– Опять не узнала? Это Денис... Ну, Денис, брат Кирилла Калинина. С днем рождения!

– О, – скупой улыбнулась я, – ты помнишь о том, что я теперь старушка.

– Прекрати кокетничать. Конечно, помню!

А вот ты ни о чем не забыла?

Я потянулась к своему органайзеру и принялась лихорадочно перелистывать странички. Неужели опять что-то упустила? Я вечно забываю о назначенных встречах, особенно если это касается работы. Можно сказать, что я являюсь мастером спорта международного класса по утере пресс-релизов.

– Аэродром, – после затянувшейся паузы сжалился надо мною Денис, – сегодня суббота, твой день рождения. Я обещал подарить тебе парашютный прыжок.

– Ох, это, – разочарованно вздохнула я, – Денис, боюсь, что я не готова... Может быть, в другой раз.

– Сейчас или никогда, – торжественно изрек он, – собирайся и дуй в центр. Мы тебя где-нибудь подхватим. Может быть, на Мясницкой, у телеграфа?

– Вообще-то мне близко, я же в Сокольниках живу, – задумчиво протянула я, – но я не собрана, и вообще...

– А тебе не надо собираться. Ты только надень что-нибудь удобное, брюки и кроссовки.

– Для парашютного прыжка разве не нужна специальная форма?... Хотя о чем это я? Я же вовсе не собираюсь прыгать с парашютом.

– Поехали, а там разберемся, – усмехнулся он, – а специальный комбинезон тебе выдадут, наденешь его прямо на свои джинсы. Давай-давай... Кстати, Кирюша спрашивал о тебе.

Он что, издевается? Нащупал мою слабинку и теперь собирается с интеллигентностью подвыпившего слонopotама регулярно наступать на большую мозоль? Тем не менее я недоверчиво спросила:

– Правда?

– А то! Зачем мне врать? Я ему рассказал о том, что у тебя день рождения и что ты решила прыгнуть. А он рассмеялся и сказал, что хотелось бы ему посмотреть на это шоу.

– Что-о? – возмутилась я. – Он так и сказал?! Но почему?

– Наверное, имел в виду твой вес... Ой, прости. Конечно, он просто хочет с тобой повидаться.

Плотнее прижав радиотрубку к уху, я в панике подбежала к зеркалу. Караул! Дожили – уже одышливые толстяки с тройным подбородком намекают на мои лишние килограммы. Но почему? Я же совсем не толстая, ну, может быть, и правда поправилась слегка. Но постоянно глазу этого никак не должно быть заметно, ведь ношу я в последнее время отлично скроенные брюки преимущественно темных оттенков. Не оголяю живот, не обтягиваю тонкими водолазками бока.

Правда, вчера прозвенел еще один ненавязчивый тревожный звоночек: я решила примерить любимые летние брюки-клеш и как ни тужилась, но все же не смогла их застегнуть. Кажется, я легкомысленно решила, что брючата просто сели при стирке. А на самом деле... На самом деле я трансформировалась в толстуху и сама умудрилась этого не заметить.

Придирчиво вглядываясь в собственное испуганное лицо, я с ужасом отметила, что и щеки вроде бы округлились, и на подбородке появился жирок – не второй подбородок, конечно, но и не былая четкость линий.

– Саша! Ты еще там? – Денис оглушительно дунул в трубку.

– Здесь я, – вздрогнув, ответила я.

– В общем, так. Через сорок минут мы будем ждать тебя у телеграфа на Мясницкой. Больше пятнадцати минут не ждем. Захочешь – приедешь. Договорились?

– Хорошо, – повеселела я, – постараюсь быть.

Естественно, я твердо знала, что никуда не поеду. Во-первых, даже если бы мне всю жизнь мечталось с победным кличем выброситься из самолета, я все равно не успею собраться за пятнадцать минут. Прошли те дивные времена, когда я могла позволить себе выбежать из дома с умытым лицом, в растянутых домашних трениках и выглядеть при этом свежей и милой. Боюсь, если сейчас я отважусь на подобную шалость, то могу нарваться на серьезные неприятности с милицией – меня будут останавливать на каждом углу для проверки документов.

А во-вторых, хоть и стыдно в этом самой себе признаваться, но я попросту БОЮСЬ высоты. И точно знаю, что даже после трех стаканов коньяка на парашютный прыжок ни за что не отважусь. Так стоит ли позориться перед Кириллом Калинин? Представляю, как искривятся в презрительной усмешке его губы, как снисходительно он взглянет на меня и равнодушно передернет плечами. А блондинистая Инга будет смотреться на моем фоне еще более роковой. Вот уж спасибо!

– Я знаю, о чем ты думаешь, – прошелестел в телефонной трубке голос толстяка, – ты уже точно решила, что никуда не поедешь. Да?

– Ну почему же, – уклончиво улыбнулась я.

– Не спорь со старшими, – усмехнулся Денис, – Саша, это, конечно, твое дело, но... Если все-таки соберешься, обещаю – ты не пожалеешь! Тебя ждет настоящее чудо. Я точно знаю.

* * *

Что я делаю?

Зачем?!

Видимо, такой уж у меня характер, что не могу прожить и дня без поиска приключений на собственную же располневшую пятую точку. И даже точно зная о заведомой сомнительности мероприятия, я все равно решила, как всегда, испытать удачу (к сведению – удача мне обычно не улыбается).

Вот такие грустные философские мысли одолевали меня, когда в желтой пещерке такси я мчалась на Мясницкую. До сих пор я точно не знаю, какой именно фактор оказался решающим. Обещание ли чуда (я ведь по-детски верю в предсказания и случайности; глупо, да?), желание ли увидеть поразившего мое воображение парашютиста Калинина (и не просто увидеть, но и показаться ему во всей красе). Правда, времени на наведение красоты не было. Зато в шкафу нашлись мои любимые голубые джинсы, которые оказались – о чудеса! – чистыми и даже выглаженными. Штанишки эти волшебные, с эффектом кривого зеркала – мои злополучные бедра в них смотрятся размера на полтора меньше. А обтягивающая белая футболка так чудно подчеркивает легкий загар и единственное преимущество лишнего веса – округлившуюся грудь. Немного полупрозрачных перламутровых румян, чистые волосы небрежно струятся вдоль лица – и вот уже зеркало отражает вполне симпатичную особу, глаза которой блестят, выражая полную готовность к приключениям.

Когда я прибыла наконец на место, вся компания была в сборе. Я сразу заметила Дениса, который нетерпеливо топтался возле старенького красного «форда». Он курил, глубоко затягиваясь, и время от времени поглядывал на часы. С разочарованием я отметила, что выглядит он еще хуже, чем в тот день, когда мы познакомились. Все-таки мужчины – странные существа, незнакомые с понятием «комплексы». То ли Денис пребывал в счастливом неведении в отношении собственных объемов, то ли просто не придавал этому факту значения. Укороченные джинсы делали его похожим на резинового пупса (правда, если взять в расчет повышенную волосатость его нижних конечностей и двухдневную небритость, то продаваться такая куколка могла лишь в лавке смешных ужасов). Оранжевая просторная футболка еще больше подчеркивала слонообразность его мощного тела.

Увидев меня, он заулыбался и сделал несколько широких шагов мне навстречу. Он вел себя так, словно мы были старинными друзьями.

– Сашка! Приехала все-таки!

Он склонил ко мне лицо с явным намерением приложиться мясистыми губами к моей щеке, но я вовремя сделала вид, что подавилась жвачкой, и отвернулась, якобы чтобы прокашляться.

– Я знал, что ты приедешь! Идем, все уже в машине! Кстати, хорошо выглядишь.

– Спасибо. У меня не было времени на то, чтобы выглядеть действительно хорошо, – небрежно махнула рукой я, облизывая напомаженные губы.

– Ничего, время еще будет, – пообещал он, легонько подтолкнув меня локтем в бок.

Я недоуменно на него уставилась. Что происходит? Неужели он настолько простодушен, что решил за мной приударить? Или я так плохо выгляжу, что даже такой толстый неряха, как Денис Калинин, рассчитывает на мою благосклонность? Надо на всякий случай держаться от него подальше.

Наверное, все эти мрачные мысли явственно читались на моем лице. Денис слегка отстранился со словами:

– Эй, я же просто пошутил.

– Я знаю. – Я заставила себя улыбнуться.

– Садись назад, рядом с Ингой, – он открыл мне дверцу.

«Надеюсь, она не прячет под одеждой ядовитое жало», – подумала я, усаживаясь рядом с неприветливой красавицей, которая даже не была так любезна, чтобы выдать нейтральное «привет!».

Увы, под одеждой она прятала не жало, а всего лишь соблазнительное мускулистое тело, загорелое и настолько вызывающе аппетитное, что рядом с ней у меня не оставалось никаких шансов.

Честно говоря, в первые минуты моего пребывания в автомобиле братьев Калининых я успела раз пять пожалеть о том, что меня угораздило ввязаться в эту авантюру. Кирилл встретил мое появление абсолютно с нулевым энтузиазмом.

– А, это опять ты, – зевнув, сказал он, – ну привет.

– У Саши сегодня день рождения! – радостно объявил Денис, трогаясь с места.

– Поздравляю, – скупно улыбнулся Кирилл.

А Инга имела наглость насмешливо фыркнуть и после мучительной паузы светским тоном поинтересоваться:

– И сколько стукнуло? Тридцать пять?

– Тридцать, – оскорбленно поправила я, незаметно ощупывая собственный подбородок на предмет его повышенной дряблости.

– Да какая разница, – улыбнулась Инга, – по-моему, после тридцати женщина теряет чувство возраста.

– Но тебе ведь тоже когда-нибудь будет тридцать, – укоризненно заметила я.

На мой взгляд, даже если ты законченная стерва, забывать о понятии «женская солидарность» неэтично. И невежливо. Это все равно что прийти в дорогой ресторан и пригнуться есть спагетти без помощи столовых приборов, пригоршнями отправляя сочные от соуса макароны в рот.

– Конечно, исполнится. Через десять лет.

Скажите на милость, почему я была наивным «одуванчиком» в двадцать лет? Помню, я искренне расстраивалась из-за несданных зачетов, тайком от родителей покуривала в форточку, посещала любительскую студию бальных танцев и коллекционировала смешные коврики для мышек. А она ведет себя, как заправская стервозная светская львица.

Большую часть дороги молчали. Я чувствовала себя не в своей тарелке, как непрошенная гостья, хуже горькой редьки надоевшая терпеливым хозяевам. Кирилл, как выяснилось, был из породы задумчивых молчунов; он отпускал какие-то реплики, только если к нему обращалась Инга. А она была из породы тех самонадеянных девиц, которые считают, что красивая внешность дает им право на исключительное внимание аудитории. Она болтала много и не по делу, как взбесившийся попугай.

– Вчера была на педикюре, так вместо моего любимого лилового лака эта дура наложила темно-шоколадный. Та-ак некрасиво!

– Бедный ребенок, – живо откликнулся Кирилл Калинин.

Неужели он не замечает, какое жалкое впечатление производит его пассия?! Мы с Денисом обменялись красноречивыми взглядами, используя для конспиративного «перемигивания» зеркало заднего вида. Мне было приятно, что хотя бы в нем я нашла союзника. Он не казался очарованным великолепной стриптизеркой. Даже наоборот – Денис посматривал на нее с добродушной снисходительностью как на симпатичного, но глуповатого щенка.

– Хочу новый парашют! – тоном капризного ребенка воскликнула Инга. – Серебряный!

– А я считала, что все парашюты одинаковые, – вякнула я, чтобы хоть как-то поучаствовать в беседе.

По презрительному взгляду, которым наградил меня Кирилл, я поняла, что, как всегда, сморозила глупость.

В общем, не клеился разговор, никак не клеился.

Один Денис старался втянуть меня в беседу.

– Ты всегда пишешь о спорте? – спросил он.

– Да нет. Вообще-то я обозреватель отдела моды. Но иногда мне достаются специальные репортажи, как этот.

– Здорово! – восхитился Денис. – Я когда-то тоже мечтал стать журналистом. Да не сложилось.

А Инга не удержалась от язвительного комментария:

– Отдела моды? И о чем же ты пишешь? Как замаскировать брюками жирные ноги?

– Инга! – укоризненно протянул Кирилл. – Прекрати терроризировать Олю. Она же наш гость.

– Меня зовут не Оля. – Я понимала, что он сделал слабую попытку меня защитить, но почему-то после его слов у меня окончательно испортилось настроение. Зачем, зачем я согласилась поехать с ними на аэродром?! Мой внутренний голос не просто говорил, он орал, что ни стоит этого делать. Но я поступила по-своему – и что же? Теперь целый день меня будут всячески унижать, и я даже сделать ничего не могу, потому что мы успели отъехать на добрую сотню километров от Москвы, а возвращаться домой на электричке как-то не хочется. – Саша меня зовут...

– Прости. Я плохо запоминаю имена, – неловко рассмеялся он.

– Это точно! – горячо поддержал его Денис. – Вот когда Кирюша только познакомился с Ингой, он все время называл ее Эллой.

– Нашли о чем вспомнить, – прошипела красавица.

Одного не могу понять, чем она недовольна? Красивая, молодая совсем, гордая обладательница сердца шикарного мужика! Почему она меня травит? Я не льстила себе мыслью, что Инга видит во мне возможную соперницу. Нет, она вообще дальше своего слегка перепудренного носика ничего не видит.

Длинной была дорога на аэродром. Стоит еще учесть, что Денис нагло игнорировал дорожные правила, а вот если бы за рулем оказалась моя Лерка, которая только на прошлой неделе получила (вернее, приобрела по сдельной цене) права, то мы добрались бы на место в лучшем случае к ночи.

И вот наконец мы свернули с основного шоссе в какой-то лесок; окрестности выглядели такими глухими, что на минутку я заподозрила неладное – уж не найдут ли через пару месяцев где-нибудь мой полуразложившийся расчлененный труп? Но нет, совершенно неожиданно лесок расступился и мы оказались на территории аэродрома «Горки».

Наконец я могла выйти из машины и размяться. А заодно рассмотреть, что представляет собой классический подмосковный аэродром. И надо сказать, с первого взгляда зрелище показалось мне довольно убогим. Крошечная двухэтажная гостиничка, похожая на солдатский барак, кафе, где подают фасованные обветренные салатики и банки с теплой кока-колой, взрывающиеся в руках, стартовая зона, два крошечных самолетика, похожих на личные лайнеры какой-нибудь голливудской мегазвезды.

И куча странно одетого народу. Это потом я узнаю, что яркие комбинезоны чудовищного фасона – профессиональная прыжковая одежда парашютистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.